

СМИРНОВ И. А.

КБИАХМЗ

Г. КИРИЛЛОВ

**О ПРОИЗВОДСТВЕ
ДЕРЕВЯННОЙ ПОСУДЫ
В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОМ
МОНАСТЫРЕ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА
(1610–1637 ГГ.)**

Деревянная посуда – один из интереснейших видов материальной культуры русского народа. Зародившись в глубокой древности, достигнув своего наибольшего развития и расцвета в средневековье, деревянная посуда пришла в упадок в связи с появлением стеклянных, фарфоровых, фаянсовых изделий, с которыми она уже не могла конкурировать. Вытесненная фабричными изделиями в центральных промышленных районах, деревянная посуда долго жила на окраинах. При этом менялись техника её производства и формы.

О производстве деревянной посуды в Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII вв. упоминают многие исследователи. Достаточно назвать работы С. В. Бахрушина, С. К. Просвиркиной, И. Е. Забелина. Однако обобщающих работ по этой теме нет. Опубликованные в 2010 г. З. В. Дмитриевой «Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг.» позволяют сделать некоторые обобщения по первой трети XVII столетия.

Опись 1601 г. зафиксировала широкое употребление деревянной посуды в Кирилло-Белозерском монастыре. Она использовалась для различных целей: для собственного использования, для

раздачи паломникам, для подношений царю, патриарху, князьям и боярам, для продажи. Известно, что Кирилло-Белозерский монастырь уже в XVI в. производил большое количество посуды, причем её производство было хорошо отлажено.

Письменные источники упоминают о специализации токаря, ложечника, судописца. О высоком качестве изготавливаемой посуды можно судить по тому, что она посылалась в числе дорогих подарков и в монастыре хранилась вместе с драгоценными изделиями. Так, Опись 1601 г. сообщает, что в Казенной палате в сундуке вместе с серебряными чарками, вкладными ковшом было «в дву ставех 300 ложек репчатых с присадки рыбьи-ми». Там же находились «200 блюд больших и средних, 52 блудечка маленьких, 18 тарелок».

В Казенную палату, вероятно, попадали и изделия монастырских ремесленников. В Описи особо оговариваются «суды деревение: ковши, и блюда, и лошки, и ставцы, и достаканы, и братины». В эту группу попали 25 ковшей каповых и «репчатых», 92 «става блюд деревянных росхожих», 104 ставика, а в них 700 достаканцев, чашек, ставчиков и солоночек «под красками», 245 «став-

цов вязовых под суриком, 20 ставцов березовых под олифою, 500 достоканов вязовых под киноварью», 300 «достоканов под суриком березовых», 300 «достоканов березовых белы», 6000 ложек шадровых, 327 ложек репчатых, 82 ложки «корелчатых», 63 ложки черных. Особо хранилась в Казенной палате расписная посуда: «В Казенной жь в нижней в заднее полате в сундуке братина шадровая, венец подписан золотом; 9 братин вязовых, венцы подписаны золотом; 38 братинок вязовых под киноварем; 38 ставиков, а в них 152 ставца вязовых подписаны золотом и красками».

Деревянная посуда широко использовалась для организации монастырской трапезы. В связи с этим рядом с трапезной палатой имелась небольшая каменная палатка, где хранились ска-терти, подсвечники, медная посуда и «18 чаш деревянных больших, 14 ковшов тверских, что кладут по большим чашам, <...> яндова деревянная».

Большое количество медной и деревянной посуды имелось в деревянной поварне, где готовили пищу для гостей. Значительная часть посуды была сосредоточена в жилых помещениях, предназначенных как для проживания кухонных работников, так, по-видимому, и для приготовления столовых припасов. В той же Описи 1601 г. упоминаются «позади трапезы две кельи, а живут в них 2 подкеларника, да чашечник. А в кельях <...> 25 торелок березовых, 60 блюд росхожих <...> 5 ставов блюд деревянных». В монастыре за кельями игумена имелись каменные ледники, где в летнее время держали квас, свежую и соленую рыбу. В квасном погребе было «семь ковшов каповых и репчатых, сорок один ковш вязовый и шадровый братских, двадцать шесть ковшев малых

тверских <...> 3 чаши вязовых под киноварем, недомерки».

По уставу Кирилло-Белозерского монастыря монахам не разрешалось иметь в своих кельях посуду и кухонные принадлежности. Все необходимое они получали от казны. Для принятия пищи иноки собирались в трапезной палате, а в перерыве между трапезами могли попить кваса в специально оборудованном помещении. Однако некоторым старцам делалось исключение. Первая монастырская опись зафиксировала имущество, находившееся в кельях у старца Леонида и его учеников. Среди большого количества вещей имелась и деревянная посуда. Так, у самого старца был «ставик чашек подписанный золотом». У Ионы Бруткова, ученика Леонидова, имелось «4 ставика чашек, 1 ставик ставцев, 9 братин с крышками, 2 ендовки, братинка корельчатая, чашка гостиная, ковш репчатой». У всех сосудов венцы «подписаны золотом». Кроме этого, в его келье имелось «6 ковшей репчатых, 61 чашка гостиная, 51 лошка репчатая, 281 лошка подрепчатая и шадровая, 2 ставня с 20 блюдами тверскими, братинка с крышкою, подписана золотом, два лжечня вязеных». У другого ученика старца, Перфирия Латынина, в келье находилось «6 братин с крышками расписанных золотом, братина велика с крышкою расписана золотом, 3 ставика чашек подписаны золотом, ставик ставцев подписан золотом, 3 ковшика колужских, 6 блюд тверских, 3 торельки вязовых, 2 братины с крышками подписаны золотом, 36 ложек репчатых, 140 ложек шадровых, кувшинец деревянной красной». У старца Александра Горяинова имелось «2 ковшика репчатых белых, 5 чашек гостиных,

кувшинец деревянный с крышкой, 7 чарок путных березовых, блюдечко красное вязовое, 2 ставчика, миса братская подписана красками».

В составе имущества монастырских служек, служек и учеников старца Леонида тоже имелась деревянная посуда. Так, у Ивашки Ларионова имелось 10 «блюд деревянных», чаша «троицкая с кровлею», «братинка подписанная золотом», ставик чашек, дорожная чашка. У Шумилка Булатова имелось «6 чашек кубоватых подписанных золотом, ставик чашек, подписанный золотом, 12 чаш гостиных под киноварем, 16 ложек щетчатых и шадровых, 2 ставика чашек подписаны золотом, ставик ставцов подписан золотом, ставик чашек подписан красками, ставик ставцев подписан красками, 2 чаши с кровлями, чаша гостиная подписана золотом, 5 чаш гостиных под суриком, 5 ковшиков, 2 чаши с кровлями, одна из них подписана золотом, ковшик шадровой, став деревянный, ставик чашек под суриком подписан, ковш под репчатой, 30 ложек, братиночка валовая, 2 чашечки гостины, 2 блюдечка маленки вязовые».

Применение токарного станка дало возможность кирилловским ремесленникам значительно повысить производительность труда и перейти к большему единообразию вырабатываемой посуды. Первое описание токарной избы встречается в той же описи: «у меньшого монастыря с московского приезде двор, а живут в нем <...> токарники, оконшники <...> и всякие мастерские люди. Да за двором анбар 5-сажен, а держат в нем токари дерево вязовое и березовое, в которых суды делают».

В монастырской «токарной избе» вырабатывались ложки, посохи и всякие «точеные сосуды». О масштабах деятель-

ности этой мастерской свидетельствует смета доходов и расходов обители за 1601 г., опубликованная Н. Н. Никольским в качестве приложения к его капитальному труду по истории Кирилло-Белозерского монастыря. В ней сообщается о монастырских запасах: «6873 ложки, в том числе 300 ложек репчатых, добрых с присадками из рыбьего зуба, 327 репчатых тоже с присадками, 83 корельчатых, и 63 черных». Кроме того, в монастырских кладовых хранилось сырье «на ложки и на ножевые череня дерева репчатого и шадрового на 15 рублей, и 45 дерев валов репчатых больших и малых». Токарные станки еще долго использовались в монастыре. Опись 1773 г. описывает один из таких станков: «Колесо токарное деревянное точеное. В нем веретено железное об одном крюке, при нем блок деревянный с веретеном железным». К токарному станку прилагались «токарных долот три, желобчатых два, косых два, гнутых крюками одно лоточком».

В рассматриваемый нами период Кирилло-Белозерский монастырь сохранял значение одного из самых крупных ремесленных центров на Руси. Его торговля и хозяйственная деятельность интенсивно развивались. Опубликованные З. В. Дмитриевой приходо-расходные книги позволяют оценить масштабы производства деревянной посуды в монастыре, определить её назначение, выявить имена мастеров, занимавшихся изготовлением посуды, определить географию заготовки и приобретения сырья для её производства.

В 1610–1637 гг. при шваленном (ремесленном) дворце Кирилло-Белозерского монастыря трудились мастера по производству деревянной посуды: лошкари, токари, судописцы.

Наиболее многочисленной была категория лошкарей. Приходо-расходные книги на протяжении 27 лет зафиксировали имена 7 мастеров данной специальности. Чаще всего упоминается имя Оська (Осип). Он работал ложечником в монастыре на протяжении всего рассматриваемого периода, т. е. 27 лет. Шестнадцать лет работал на монастырь мастер Левка (Лева, Левонтий). По три-четыре года отработали Максим и Микуша. В зависимости от мастерства, стажа работы ложкари, как и другие мастера шваленного дворца, получали различное годовое жалованье. Так, в 1611–1614 гг. ложечник Оська получал по одному рублю. С 1615 г. его жалованье увеличилось до 1,5 рублей. В то же время мастера более низкой квалификации получали значительно меньше. Так, в 1626 г. годовое жалованье мастеров шваленного дворца выдавалось по шести статьям. Ложечник Осип получил по первой статье 1 рубль 16 алтын 4 деньги. Второй мастер Лева получил жалованье по четвертой статье в размере 1 рубль 6 алтын 4 деньги, а третий мастер Проня по пятой статье получил 1 рубль 3 алтына 2 деньги. При повышении квалификации оплата увеличивалась, и уже в 1632 г. ложечник Лева стал получать полтора рубля.

Ведущие мастера промысла занимались не только изготовлением ложек, но нередко и приобретением сырья, готовых изделий для монастыря. Так, в июле 1619 г. ложечник Осип ездил на ярмарку в Заозерье, где приобрел для монастыря 47 тверских блюд, 650 «шадровых волюцких» ложек, древесины репчатой на 1 рубль 24 алтына, рог олени на «присадки». Вероятно, в этой поездке Осип выступал, с одной стороны, в качестве доверенного агента монастыря, которо-

му доверялось производить закупки, с другой стороны, экспертом по качеству сырья и готовой продукции.

Некоторые мастера постригались в монахи. Так, в приходо-расходной книге за 1610 г. сообщается о вкладе старца Касьяна, что «в миру был ложечной мастер Костянтин», в сумме 2 рубля 5 алтын 2 деньги. Можно добавить, что эта сумма в два с лишним раза выше годового жалованья ложечного мастера.

О масштабах производимой ложечниками продукции говорить сложно. Вероятно, значительная часть её шла на внутренние потребности монастыря и его вотчины. Данная продукция не учитывалась в приходо-расходных книгах. Ложки, выполненные из ценных пород дерева, украшенные нередко костяными вставками, шли на подарки гостям. Продажи осуществлялись не часто. Приходо-расходные книги 1610–1637 гг. зафиксировали лишь один факт продажи – в 1626 г. за 3 алтына 2 деньги была продана в Нилов скит (Нило-Сорская пустынь) репчатая ложка. Однако объемы приобретаемого сырья и полуфабрикатов позволяют предполагать большее количество произведенной продукции. Так, за рассматриваемые нами 27 лет только полуфабрикатов – «отесков ложечных шадровых» было приобретено 10 502 штуки.

За это же время монастырь приобрел много ценной древесины (кап, карельская береза, вяз, шадровая древесина), которая также могла использоваться для производства ложек. Приходо-расходные книги позволяют иногда определить имена людей, поставивших заготовки в монастырь. Так, в 1636 г. поставкой и, вероятно, изготовлением ложечных «отесков» занимался «волюцкой целовальник» Есип Никитин и

подмонастырский крестьянин Богдан. Два года ранее «отески шадровые» поставлял в обитель «рукинец» Никифорка Степычевский. Монастырские ложечники изготовляли и дорогие красивые ложки со вставками из «рыбьей кости». Приходо-расходные книги фиксируют разовую покупку моржового зуба (клыка) весом в 615 г, который на Руси называли рыбьей костью. В то же время ежегодно монастырь покупал более дешево ей замену. Так, рассматриваемый нами период были приобретены 21 олений рог, 20 лосиных рогов и их фрагментов, 1850 «костей лосиных к ложкам», а также «мелких рыбных костей на присадки» на 22 алтына.

Дорогие парадные подарочные ложки в XVII столетии, судя по сохранившимся единичным экземплярам (ГИМ), имели несколько иной вид, чем те, которыми пользуются в настоящее время. Лопаста ложек были овальными, несколько вытянутыми к короткому стеблю (чрену). Конец стебля оправлялся в серебро либо в кость. Такая форма ложек была удобна для их хранения и перевозки в ставах, используемых и в качестве дорожной посуды, и футляров для перевозки ставчиков, тарелок, ложек. Из Описи 1601 года известно, что в такой ставец могло поместиться 150 ложек. Кроме больших футляров для хранения ложек имелись и индивидуальные. За 27 лет монастырем было куплено в казну 880 «вязаных лжечней» – футляров для ложек. Приобретали лжечни в казну по 2–3 копейки за штуку. Большею частью эти футляры закупались, но иногда изготовлялись и в самом монастыре. Так, в 1625–1626 г. старец Логин связал из монастырских нитей 25 лжечней. За работу он получил вознаграждение по копейке за штуку.

Монастырские мастера, видимо, участвовали и в доработке купленных ложек. Так, среди приобретенных монастырем ложек встречаются проолифленные и «белые», а иногда даже ложки репчатые «неделанные». Несмотря на значительные объемы собственного производства, монастырь делал большие покупки. За 1610–1637 гг. было приобретено 24 035 ложек, в том числе праздничных дорогих – 48 ложек репчатых и 3500 ложек «волоцкого дела с костью».

Другой значительной группой мастеровых в шваленном дворце были токари, которые точили на токарных станках деревянную посуду. Приходо-расходные книги за 1610–1637 гг. называют имена 6 токарей: Оксен Максемов, Меньшик, Первуша Тетерин, Меркуша, Еуфим (Елфим), Гриша Крюк. Стаж работы у половины из них превышал десять лет. Приходо-расходные книги не содержат информации об объемах производства, ассортименте токарной продукции. Однако помещенные там сведения о закупках деловой древесины, заготовках дают об этом некоторое представление. На протяжении 1610–1627 гг. монастырем было приобретено «вязнику» для изготовления чашек 590 штук, 660 «чюрок вязовых» для точения чаш, более 497 больших и малых деревьев «репчатых и подрепчатых» на 189 рублей, 204 «отеска чашечных кубоватых корельчатых». Значительная часть «вязника» была приобретена в селе Санникове, часть ложечных «отесков» монастырь получал из Волока Славинского. Наиболее ценную древесину – дерево репчатое монастырские слуги покупали в городах: Вологде, Ярославле, Угличе, Белоозере, селах: Санникове, Волоке Славинском, Устье Кубенском, а также на многочисленных

ярмарках, в том числе и на проходивших трижды в год у стен монастыря. Вероятно, следует оговорить вопрос о размерах репчатой древесины. В приходо-расходных книгах не указаны ни длина, ни вес «деревца репчатого», указана только стоимость да иногда некоторые отличительные признаки, позволяющие предположить очень большую разницу в размерах (объемах) и оплате данного материала. Так, в июне 1621 г. на монастырской ярмарке, посвященной памяти чудотворца Кирилла, было приобретено «четыре деревишка репчатых, дано 12 алтын», т. е. по 3 алтына за штуку. В феврале 1626 г. монастырь приобрел у белозерского посадского человека Оброса Шумилова «дерево большое репчатое, дано 2 рубля».

Требует особого рассмотрения и порода дерева, из которого получали «репчатую и подрепчатую» заготовки. В Указателе к работе З. В. Дмитриевой сообщается, что это древесина платана. Известные отечественные исследователи традиционных русских промыслов С. Б. Бахрушин, С. К. Просвиркина отмечают, что «репчатое дерево» – это каповые наплывы на стволе березы, напоминающие по форме репу и имеющие кольцеобразный узор древесины, подрепчатая древесина – это промежуточная часть между репчатым наслоением (капом) и стволом дерева, прямизной. С мнением последних исследователей, на первый взгляд, согласиться легче. Действительно «кап» и в настоящее время встречается довольно часто и на обширной территории. В деревообрабатывающей промышленности и в народных промыслах используют каповые наросты, полученные как с самого дерева, так и с его корней. Находят иногда такие наросты диаметром до 2-х метров. Кап всег-

да ценился за красоту узора древесины, прочность и плотность. Из капа можно было изготовить посуду с очень тонкими стенками. Каповые сосуды не требовали окраски, они только покрывались олифой, иногда слегка подкрашенной, и нередко оправлялись в серебро. Платан или чинара в настоящее время встречаются только на юге России и в Западной Европе. География закупок, список продавцов этого вида древесины не позволяют сделать вывод о её привозе.

Возможно, на третью версию наталкивает нас Опись Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. В описании инвентаря каменного погребца за игуменскими кельями она перечисляет «на погребке же семь ковшов каповых и репчатых». В описании имущества, хранившегося в Казенной палате обители, вновь встречается подобная запись: «25 ковшов каповых и репчатых». Скорее всего, это не описка, а описание двух типов ковшей, и разница между ними – в материале. Словарь русского языка С. И. Ожегова трактует слово «репчатый» как «сходный по виду с репой». В качестве примера приведен лук репчатый. Мы видим, что главное в этом определении – форма предмета, а не содержание. Известно, что кап или каповые наросты встречаются на ветвях старых деревьев, на самом стволе (стволовой кап), на корнях (капокорень). Находят кап на дубе, грецком орехе, черной ольхе, осине, березе. Самая красивая древесина у березового капа и грецкого ореха. Вероятно, что все эти виды деревьев, имевшие каповые наплывы, напоминавшие по форме репу и имевшие кольцеобразный узор древесины, шли на изготовление «репчатой» посуды. Изделия из березового капа с очень красивой структурой и повышенной крепостью называли каповыми, а

посуду, выполненную из каповых наростов других деревьев – «репчатой».

В Холмогорах и на ярмарках закупалась и «рыбья кость». В приходорасходных книгах имеется информация о приобретении инструмента для изготовления посуды. Так, в апреле 1615 г. в монастырь купили 2 резца за 1 алтын.

Кроме чаш токари, вероятно, точили ставки для ставчиков и чашек, тарелки, делали посохи. В 1615–1616 гг. значительное количество токарной посуды для монастыря сделал крестьянин Марк из Иванова Бора. Он выточил 1300 «гостиных» чашек, получив за работу 2 рубля 13 алтын 2 деньги.

Наиболее опытные токари участвовали, как и ложкари, в закупках материалов и уже готовой посуды. Токарь Первуша Тетерин в 1617–1634 гг. многократно выезжал в село Санниково, г. Белоозеро для приобретения «деревья репчатого», «отесков шадровых» на ложки, оленьих рогов. Токарная посуда закупалась в большом ассортименте. В течение 27 лет монастырь закупил 3 073 ставцев и блюд, из них 2/3 были тверскими. Различались блюда и ставцы по виду использованной для их изготовления древесины: ольховые, осиновые, липовые. Некоторые ставцы покупались «белыми» и шли в дальнейшую доработку.

За этот же период монастырь закупил 923 чаш и чашек, 10 «братинков корельчатых», 1 скобкарь. Среди чаш преобладали чашки «гостиные» простые, но единично приобретались и чаши «корельские подписаны золотом». Последние, вероятно, покупались для подарков. Приобретались и чаши «белые потешальные», и чаши «корельские без кровель и не расписанные». Вероятно, они предназначались для доработки. Кроме чаш и ставцов за указанный пе-

риод монастырь приобрел 100 солонок и 101 ковш. Последняя категория имела во второй половине XVI – начале XVII вв. большую спецификацию. В зависимости от материала, величины, назначения ковши имели различные названия: репчатый, шадровый, поваренный, поваренные большой и малый, шадровый «в естовую поварню», долгостебловой, «красной шадровой долгостебловой в квасную поварню», «валовой красной».

Доработкой, расписыванием дорогой праздничной посуды занимались в монастыре судописцы. Приходорасходные книги за 1610–1637 гг. называют имена трех судописцев: Калина, Петруша (Петруня), Офонка. Стаж их работы был от 3-х до 10 лет. В 1611–1621 гг. ведущим судописцем обители был Калина. Он получал самое высокое годовое жалованье. В 1626 г. в списках мастеров шваленного дворца появляется судописец Петруша (Петруня). Первоначально он получал годовое жалованье по 3-й статье в размере 1 рубль 10 алтын. К 1632 г. он выходит в ведущие мастера и получает годовой оклад в полтора рубля. Помимо работы на монастырь, Петруша, вероятно, выполнял и частные заказы. Для этого он приобретал у монастыря расходные материалы. Так, в 1634–1635 гг. он купил у монастыря две тетради «золота двоеличного» за 27 алтын 5 денег. Приличные доходы Петруши предполагают и расходы. В июне 1635 г. Петруша приобрел из монастырской казны верхнюю одежду, серебряный крестик постриженника Игната Воропонова и перстень серебряный Дмитрия Староченина за 32 алтына 7 денег.

Для обеспечения работы судописцев монастырем закупались расходные материалы: краски, олифа, золото, серебро, яйца. Значительная часть их использо-

валась как для работы судописцев, так и иконописцев, поэтому выделить объемы затраченных материалов не представляется возможным. Яйца нередко приобретали сами судописцы. Всего за рассматриваемый нами период на приобретение яиц монастырь израсходовал 14 алтын 18 денег. Десяток яиц покупали за одну деньгу. Нетрудно подсчитать, что на роспись посуды монастырь приобрел 1020 яиц.

В 1619–1633 гг. для выполнения особо важных заказов по росписи монастырской посуды привлекались иконописцы. Так, в апреле 1619 г. иконописец Кирилл Сидоров «подписывал золотом десять чаш вязовых с кровлями, дано ему от подписки 12 алтын». В мае 1626 г. он «подписывал 2 ставка монастырских ставок ставчиков, другой чашек да 3 торели вязовые золотом, дано ему от письма 3 алтына 2 деньги, кроме золота, золото монастырское». С Кириллом Сидоровым связан довольно редкий на Руси зафиксированный случай ученичества. В августе 1627 г. Кирилл Сидоров подрядился у монастыря за один рубль 16 алтын 4 деньги обучить «монастырского малово Анфима Петрова сына Вологжанина суды подписывати».

Другой иконописец Григорий Ростовец в августе 1627 г. «подписал монастырских в казну 10 чашек кубоватых корельчатых с кровлями золотом, дано ему от письма 5 алтын, кроме золота, золото казенное».

Священник Воскресенского Горицкого монастыря Данило также выполнял для Кириллова монастыря эпизодические заказы по росписи посуды. Так, в августе 1627 г. он «подписал в казну казенных 10 чашек кубоватых с кровлями корельчатых золотом, дано ему от письма 5 алтын, кроме золота, золото казен-

ное». В мае 1633 г. он же «из Гор священник Данило подписал в казну 8 ставок ставчиков, золото и левкас казенное». За работу Данило получил 13 алтын 2 деньги. Брат горицкого священника Аким также выполнял монастырские заказы. В июле 1627 г. он «подписывал казенных в казну 20 чашек кубоватых с кровлями корельчатых золотом и серебром. Дано от письма 15 алтын, кроме золота и серебра, золото и серебро казенное».

Монастырские власти постоянно укрепляли материальную базу производства деревянной посуды. В декабре 1611 г. подмонастырский крестьянин Якуня Юрьев за 8 рублей изготовил для монастыря токарную избу с внутренней отделкой на «шваленный дворец». Видимо, эта изба сгорела в августе следующего года, когда поляки и литовцы при первом нападении на Кирилловскую обитель «выжгли конюшенный дворец и гостинный двор и шваленный дворец» и другие находившиеся за пределами монастырского кремля деревянные службы, где находились запасы и скот. В результате шестилетней осады Кириллов потерял много защитников, население Белозерской вотчины значительно сократилось, прямые убытки исчислялись почти в 15000 рублей. По мнению историков А. Н. Кирпичникова и И. Н. Хлопина, «война сокрушила цветущую монастырскую цивилизацию, обезлюдила вотчину, разрушила пашню и торговлю, промыслы, службы и дворы». Приходо-расходные книги 1610–1637 гг. показывают, что, несмотря на осадное положение, Кирилло-Белозерский монастырь сумел сохранить штат квалифицированных мастеров, занимавшихся производством деревянной посуды. В ноябре 1613 г. им, как обычно, было выплачено годовое жалованье. Только

на год-полтора были приостановлены закупки древесины. С 1614 г. покупка и изготовление деревянной посуды стали вновь проводиться в больших объемах.

Неизвестно, где находилась шваленная служба в военное время, но то, что она была, не вызывает сомнений. Те же книги в мае 1615 г. зафиксировали построение «со швальни» сапожного мастера Потания. В марте 1627 г. купили «стол на швальню мастерской», а в декабре «на швальне у горницы поделывали трубу». В октябре 1632 г. плотник Кондрашка Денисов «с товарищами <...> на швальне в новой избе зделал нутро, от дела дано 2 рубля».

В мае 1635 г. монастырские власти решили построить новый шваленный дворец. Для этого они заключили договор с боровичскими мастерами Сидором Григорьевичем, Андреем Клементьевым, Петром Фоминым, Яковым Аверкмывым. Эти мастера срубили «большую шваленную пяти сажень, и мост и потолок намостили, и застрешины и курицы сделали, и в монастырь привезли». Работы по обустройству мастерской продолжали местные мастера. Так, в марте 1637 года «нодмонастырский бобыль Онтонко Семенов с товарищи зделали в новом шваленном дворце в большой избе нутро», а в апреле того же года в нем и в «котельне зделали 2 чулана».

Приложение

Список мастеров шваленного дворца Кирилло-Белозерского монастыря, занимавшихся изготовлением деревянной посуды, 1610–1637 гг.

Лошкар:

Костянтин (старец Касьян), 1610 г.

Оська (Осип), 1610–1637 гг.

Максим, 1610–1614 гг.

Левка (Лева, Левонтий), 1621–1637 гг.

Проня, 1626 г.

Оксен, 1632 г.

Микуша, 1634–1637 гг.

Итак, анализ источников показывает, что производство деревянной посуды в первой трети XVII в. в Кирилло-Белозерском монастыре получило дальнейшее развитие. Благодаря обилию и близости сырья, несложности техники в производство легко втягивались и монастырские крестьяне. Монастырь, развивая в должной мере и свою производственную базу, являлся в какой-то мере организатором производства среди монастырских крестьян и использовал продукты их труда не только для обслуживания монастырской братии, но и в качестве товара. Для крестьян это было хорошим подспорьем для уплаты денежного оброка и государственных налогов. Монастырские власти в большом количестве закупили сырье для производства деревянной посуды, выделяли лучших ремесленников, ставя их в особое положение и уплачивая годовое жалованье, распределяли сельским ремесленникам заказы на производство заготовок и готовой продукции. К особо ответственным заказам по росписи посуды привлекались иконописцы. Обеспечивая заказами, скупая сырье и деловую древесину у крестьян, монастырь способствовал развитию этого вида производства в сельских ремесленных центрах, таких, как Волок Славинский.

Токари:

Оксен (Аксен?) Максемов, 1610–1621, 1633–1635 гг.

Меньшик, 1610–1615 гг.

Первуша Тетерин, 1613–1626 гг.

Меркуша, 1626–1634 гг.

Еуфим (Елфим), 1626–1637 гг.

Гриша Крюк, 1635–1636 гг.

Судописцы:

Калина, 1611–1621 гг.

Петруша (Петруня), 1626–1632 гг.

Офонка, 1634–1637 гг.

Привлеченные мастера

Судописцы:

Иконописец Кирилл Сидоров, 1619–1630 гг.

Анфим Петров, сын Вологжанин «монастырский малый», ученик Кирилла Сидорова, 1627 г.

Священник Горицкого монастыря Данило, 1627, 1633 гг.

Аким «брат горицкого попа Данила», 1627 г.

Иконописец Григорий Ростовец, 1627 г.

Токари:

1. Марк, крестьянин из Иванова Бора, 1615–1616 гг.

Изготовление (вязка) лжечней (футляров для ложек):

Старец Логин, продавал и вязал из монастырских материалов, 1625–1626 гг.

Изготовление заготовок:

Никифорка Степычевский, рукинец – оттески шадровые, 1634 г.

Богдан, подмонастырский крестьянин – оттески ложечные, 1636 г.

Есип Никитин, волоцкий целовальник – оттески ложечные, 1636 г.